
Образование, или как стать моральным уродом

В последнее время психологам всё чаще приходится сталкиваться с искажённым поведением дошкольников: с одной стороны — необычайная скованность и недоразвитие речи, а с другой — высокая агрессивность и какая-то дикая, зашкаливающая демонстративность.

Такой ребёнок стесняется ответить на простейший вопрос, но, при этом, не боится кривляться при чужих взрослых, ползать под столом, а то и делать неприличные жесты. Одним словом, он ведёт себя неадекватно.

Модели плохого поведения его притягивают, как магнит, хотя он, зачастую, не видит ничего подобного дома и, конечно, тысячу раз слышал от родных, что так себя вести нельзя.

Уже в четыре-пять лет такие дети обожают боевики и отказываются смотреть наши отечественные мультики и сказки — им неинтересно.

Однако, после занятий с психологом, становится ясно, что дело не в интересе.

Содержание наших мультфильмов непонятно детям из-за некоторого их недоразвития, после компенсации которого ребёнок переключается на отечественные мультфильмы и смотрит их с энтузиазмом.

Совсем уж странно то, что такие дети, во-первых, психически нормальны, а, во-вторых, нередко растут в обеспеченных семьях, где у них есть всё: и игрушки, и развивающие игры, и книжки, их водят в разные детские студии и даже приглашают педагогов на дом.

Есть, правда, один нюанс: практически все они с раннего возраста увлечены компьютерными играми и телевизором.

В чём же дело?

Может быть, малыши стали жертвой какого-то социального эксперимента? А, если да, то какого?

Мы попросили прояснить ситуацию руководителя Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН (Института социально-экономических проблем народонаселения РАН) ведущего научного сотрудника, кандидата социологических наук **Наталью Ефимовну Маркову**, которая, в последние годы, занимается изучением воздействия на детей и подростков различных средств массовой информации.

Н.М.: Вы совершенно правы, когда говорите о широкомасштабном социальном эксперименте, жертвой которого становятся дети.

Однако, сделаю небольшое уточнение. Понятие «эксперимент» подразумевает некоторую непредсказуемость результата, влияние же современных СМИ для специалиста — очевидно.

Современное западное искусство изменяет, деформирует психику ребёнка — прежде всего с помощью мультфильмов и компьютерных игр.

Активно воздействуя на воображение ребёнка, они прививают ему новые установки и модели поведения.

Давайте отдельно рассмотрим каждое из вышеупомянутых поведенческих отклонений. Начнём с агрессии.

Вспомним «Покемонов». К чему сводится основное действие в этом мультсериале? Странные существа под общим названием «покемоны»...

Корр.: ... что в переводе с английского означает «карманные чудовища» — *pocket monster*...

Н.М.: ... Совершенно верно, но мы пока не будем обсуждать вопрос, нравятся они нам или нет — здесь дело в другом. Эти существа друг друга поражают, стремятся уничтожить.

Сразу вспоминается новая кровавая забава — петушиные и собачьи бои, которые сегодня переживают второе рождение.

Наблюдая за смертельной схваткой животных, взрослый переходит грань человеческого, позволяя себе испытывать удовольствие от убийства.

Что переживает ребёнок, смотря такой мультфильм?

В соответствии с законами восприятия художественного произведения, он идентифицирует себя с его героями.

А, идентифицируя себя с существом, которое успешно уничтожает других существ, ребёнок постепенно усваивает агрессивные модели поведения, которые вознаграждаются чувством победного торжества.

В его психике вырабатывается своеобразная «канавка» агрессивности — накатанная колея, по которой привычно движутся чувства ребёнка.

Корр.: Но ведь, во всех мультфильмах есть борьба добра со злом. Богатыри поражают драконов, Иван-царевич — Змея Горыныча.

Есть ли какое-то отличие традиционных сказочных мультфильмов от западных мультфильмов нового поколения?

Н.М.: Конечно, есть. Почему происходит фиксация на агрессии?

К сожалению, в каждом человеке в скрытом виде существует садомазохистский комплекс, и современные западные мультфильмы его эксплуатируют, заставляя ребёнка переживать наслаждение, когда герой мультфильма причиняет кому-нибудь боль.

Это умело стимулируется аудио- и видеорядом. Многократное повторение подобных сцен вы-

зывает у детей фиксацию на агрессии и способствует закреплению соответствующих моделей поведения.

Катарсис, изменение личности, которое планирует художник, происходит как раз в тот момент, когда герои произведения (например, покемоны) **УНИЧТОЖАЮТ** противников.

Корр.: Правильно ли я вас понимаю, что в традиционных мультфильмах для детей не смаковались подробности убийства? Да и вообще маленьким детям старались не показывать подобных сцен?

Н.М.: Совершенно верно. Давайте попробуем себе представить, как должна была бы «в духе покемонов» выглядеть победа Ивана-царевича над Змеем Горынычем.

«Отрубил Иван Змеею одну голову и поковырял там ножичком. Пальцы засунул, кровушка тёплая... Намазал её себе на лицо. Потекла горячая кровь...» И так далее, в том же духе. «А Иван хохочет, пьёт кровушку стаканами, силу богатырскую получает от кровушки змеиной...»

В общем, надеюсь, понятно. Возведение садызма в эстетическую категорию оказывает определённое влияние на психику читателей или зрителей.

Корр.: А в других западных мультфильмах это есть?

Н.М.: К сожалению, есть.

Корр.: А в «Томе и Джерри»?

Н.М.: Есть, но не в такой степени. «Том и Джерри» — старый мультфильм, его авторы до такой изощрённости еще не дошли, а работа над «Покемонами» шла уже *по новейшим технологиям...*

Теперь о других отклонениях. Дети, с одной стороны, ужасно застенчивы, а с другой — дико себя ведут.

Корр.: Да, порой их демонстративность граничит с безумием.

Н.М.: Бедняги просто повторяют то, что видят на экране. Это — тоже следствие идентификации.

Корр.: Но, разве герои мультфильмов застенчивы?

Н.М.: Нет, как раз это — природа ребёнка. Вы же сами знаете, что многие дети по натуре застенчивы.

Корр.: А, поскольку герои мультфильмов ведут себя демонстративно, то, чтобы подражать им, ребёнку приходится себя переламывать, и потом он идёт вразнос?

Н.М.: Судя по всему, да. Во всяком случае, давным-давно известно, что те модели поведения, которые демонстрируют обаятельные герои экрана, для зрителей (особенно молодых) весьма притягательны.

И если отклоняющееся поведение никак на экране не наказывается и даже не порицается, очень высока вероятность того, что многие дети и подростки будут ему подражать.

Ещё в 70-е годы XX века, известный американский психолог Альберт Бандура (поляк по происхождению, родившийся в Канаде) в своей ра-

боте «Теория социального научения» обозначил основные принципы социального научения, путём подражания кино- и телемоделям.

Бандура говорил о том, что одна телевизионная модель может стать предметом подражания для миллионов! Это многократно подтверждено экспериментами, да и обыкновенной практикой современной жизни.

Корр.: Пожалуйста, приведите пример поощрения демонстративности в мультфильмах.

Н.М.: Да взять хотя бы «Телепузиков». Вы наверняка знаете, что каждая серия «Телепузиков» представляет собой некий поучительный рассказ, который, теоретически, должен быть полезен малышам, в том числе и младенцам, поскольку сериал рассчитан на детей от *полугода до четырёх лет*.

Давайте рассмотрим, как объясняется авторами фильма понятие «украшение». Сначала украшение — букетик, перевязанный ленточкой, — появляется на ёлке. «Украшение», — говорит диктор.

Затем, мы видим букетик заткнутым за пояс одного из телепузиков. «Украшение», — повторяет диктор, и вдруг букетик с ленточкой оказывается у телепузика в зад! Он, как собачонка, начинает бегать по кругу, пытаясь его вытащить, а остальные персонажи — весело смеются.

Какая модель поведения прививается ребёнку? Украшение — то, что втыкают в зад товарищу и дружно веселятся, поскольку это смешно.

Это чёткая модель никем не наказуемого демонстративного поведения: телепузиков не отшлёпали, не поставили в угол и даже не сказали, что так вести себя плохо!

Напротив, это здорово: воткнуть что-нибудь товарищу в зад и потешаться над ним.

Корр.: Попутно замечу, что здесь также снимается очень серьёзное табу. Даже сверхдемонстративным детям раньше и в голову не приходило, что в зад товарищу можно что-то втыкать.

Максимум, на что они были способны, это прицепить забавную рожицу к чужой спине или поставить сзади товарищу рожки.

Хотя, всё равно, подобные шуточки бытовали среди подростков, а не малышни. И потом, это серьёзное растормаживание сферы влечений, привитие гомосексуальных наклонностей.

Я как-то не припомню, чтобы даже самые отпетые мальчишки-хулиганы вытворяли раньше что-то подобное.

В крайнем случае, они — опять-таки, подростки, а не дошколята! — могли насыпать кошке под хвост перца или, скажем, намазать там горчицей, но чтобы втыкать какие-то предметы в зад — это было просто невыносимо.

Н.М.: Абсолютное разрушение всех табу, невиданное и недопустимое для нашей культуры.

Корр.: А что вы скажете о недоразвитии речи и вообще о затормаживании психического развития детей — потребителей подобной кинопродукции?

Н.М.: Здесь я сошлюсь на исследования ряда английских и американских психологов, посвящён-

ные проблемным детям, которые появились, в связи с новыми мультфильмами.

Корр.: Когда это началось?

Н.М.: Лет десять тому назад. Помните мультфильм «Бивис и Батхед», который регулярно демонстрировался на MTV — международном телеканале, целенаправленно внедряющем ценности контркультуры — **рок-секс-наркотики**?

Бивис и Батхед, наверное, одни из первых персонажей, которые начали прививать аудитории дикие модели поведения.

Но вернёмся к детям с задержкой психического развития. Они не могут в школе усваивать информацию на слух, страдают недоразвитием речи и эмоций.

Западные учёные установили, что этих детей в раннем детстве «воспитывал “телевизор”».

Эксперт по речи доктор Салли Ворд (Британия), говорит о том, что, за последние 20 лет, резко увеличилось количество детей, которые умеют воспринимать только зрительную информацию — слова проходят мимо них.

В школе «телевоспитанники» испытывают большие затруднения со сменой привычного визуального восприятия на вербальное, ведь, обучает их не телевизор, а живой учитель, которого они неспособны услышать.

Общение с другими детьми также вызывает у них определённые сложности.

Корр.: Но, как именно формируют таких детей мультфильмы последнего поколения?

Н.М.: Ещё раз обратимся к «Телепузикам». Взрослые люди, смотревшие этот сериал, нередко обращали внимание на странности, которых раньше никогда не бывало в детских фильмах.

Во-первых, игровые эпизоды шли два раза подряд, что, само по себе, поразительно.

Время от времени, в «Телепузиках» демонстрировались мультипликационные вставки, повторявшиеся за неделю несколько раз.

Скажем, «Шествие зверей»: на экране появляются звери, совершенно разные, из разных природных зон — крокодилы вперемешку с белыми медведями, бегемотами, пингвинами, страусами.

Они идут очень медленно, караваном, их шествие по экрану растягивается минуты на три-четыре.

Для кино это очень большое время. Или другая вставка: три корабля медленно проплывают по экрану. Никаких действий не совершается, они просто разрезают носом волну, проходят кругом и уплывают.

Ещё картинка: на дерево, стоящее посреди поля, прилетают по очереди пятнадцать птиц. Каждая слегка вертит хвостом, садится на ветку и застывает, в точности копируя движения предыдущих. И это, опять-таки, длится достаточно долго!

Что за странности? В кино ничего подобного до сих пор не было, да и быть не могло, потому что здесь важно действие. Оно должно развиваться...

Корр.: И быть наполнено смыслом...

Н.М.: Вот именно! Авторы «Телепузиков» — Энн Вуд и Элис Кан — говорят, что в передаче использованы какие-то чрезвычайно передовые научные технологии, развивающие маленьких детей.

Но, на самом деле, смысл вставок заключается совсем в другом — в приучении детей к экрану, причём, в приучении страшном, гипнотическом!

Ведь экран светится, его мерцание, которое человек воспринимает помимо своей воли, имеет определённый ритм, а мерцающий свет, ритм и определённым образом подобранные шумы способны гипнотически воздействовать на психику.

В результате, маленький человек впадает в транс и уже совершенно некритично воспринимает всё, что льётся с экрана, притягивается к нему.

«Телепузики» — это последовательное создание человека-дебила, который всё свободное время будет сидеть у телеэкрана с открытым ртом и заглатывать любую информацию.

Корр.: Наверное, именно гипнотическим воздействием экрана можно объяснить тот факт, что сам ребёнок не может оторваться от телевизора, а когда родители пытаются выключить «ящик», впадает в бешенство, истошно вопит, кидается в драку.

Н.М.: Да, конечно, эта зависимость — сродни наркотической, а отлучение от наркотика вызывает резкую реакцию.

Корр.: А какие ещё модели поведения внедряют мультфильмы типа «Телепузиков»?

Н.М.: Самые разнообразные отклонения от традиционной культурной нормы. Во-первых, ребёнок становится невосприимчивым к опасности.

Например, на протяжении всех трёхсот шестидесяти пяти серий телепузики, на призыв «Пора спать!», прыгают в люк, расположенный в холме.

У маленьких зрителей этот люк ассоциируется с уютным домом, в котором обитают телегерои, то есть, образ люка становится положительно окрашенным, и часть особо внушаемых, а также склонных к рискованному поведению детишек, вполне могут последовать примеру любимых персонажей.

Кроме того, ребёнка приучают связывать определённые виды поведения с опасностью, демонстрируя именно неудачные модели поведения даже в нормальных, стандартных ситуациях.

Скажем, телепузик качается на качелях. Диктор за кадром говорит: «Ляля качается». «Ляля» два раза качнулась и упала. Встала, опять села на качели. Опять голос диктора: «Ляля качается». Телепузик опять падает. И так раз шесть.

У ребёнка возникает ассоциативная связь «качели» — «падать». Мысль о том, что катание на качелях связано с падением, у ребёнка всплывет именно тогда, когда он сам сядет на качели. Вы же прекрасно понимаете, что значит для человека затверженный образ действий.

В результате, малыш сделает произвольное движение и тоже упадёт.

Корр.: Только для него это не обойдётся без последствий, как для телегероя.

Н.М.: Совершенно верно. Такой же деструк-

тивный образ закладывался в сознание малышей, когда телепузики играли в мяч. Телепузик никак не мог поймать его, мяч пролетал мимо или выпадал из рук, телепузики падали.

Корр.: «Но это, как раз, для предотвращения реальных неудач!» — скажут вам авторы.

Н.М.: Сказать можно всё, что угодно. Однако, мы ещё не окончательно утратили память о норме и помним, что детей испокон века учили на **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ** примерах.

Отрицательные же старались не демонстрировать и, главное, всегда сопровождали моралью. А здесь — просто показ, без оценочных комментариев. Дескать, пусть сами делают выводы.

Корр.: Да, это один из главных принципов, так называемой, «недирективной педагогики»: «Мы даём информацию, а ребёнок делает свой свободный выбор». Нередко между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью.

Н.М.: А вот пример растормаживания половых влечений в «Телепузиках». Это уже не мультипликационные, а документальные кадры, снятые в каком-то африканском посольстве: негритянская семейка танцует ламбаду.

Трёх-четырёхлетним детям, конечно, очень «нужно» смотреть на этот сексуальный танец, в котором трутся животами, задами, где выстраиваются сладострастно извивающиеся цепочки. Представьте себе, к чему это приведёт, когда дети начнут воспроизводить увиденное.

Ещё были эпизоды, где мальчик-телепузик, надев девчачью юбку, не хотел её снимать, а другие телепузики хвалили его, говоря, что он, «как девочка».

Корр.: То есть, программировалось нарушение половой ориентации?

Н.М.: Во всяком случае, это попытка расшатать норму. Ведь, мальчики вообще очень редко стремятся надеть девчоночью одежду, а если вдруг и надевают, то окружающие говорят: «Зачем? Сними! Ты же не девочка!» А тут, как раз наоборот.

Ещё раз хочу подчеркнуть, что в «Телепузиках» не было ничего лишнего, ничего случайного. Абсолютно все серии были продуманы и тщательно выстроены. Как, впрочем, и в других подобных мультфильмах.

«Симпсоны», например, направлены на внедрение девиантных моделей поведения в семье, и вы, наверно, знаете, что родители даже подали в суд...

Корр.: Пожалуйста, расскажите об этом немного подробнее.

Н.М.: Молодой человек лет тридцати заметил, что его семилетний ребёнок, очень милый, хороший мальчик, вдруг стал дико себя вести: накидываться с кулаками на мать, говорить гадости.

Отец не мог понять в чём дело, пока его товарищ не сказал: «Послушай, да он же в точности копирует то, что показывают в мультфильме про «Симпсонов»».

Действительно, мальчик дважды в день, утром и вечером, смотрел этот мультсериал, а отцу

и в голову не приходило, что в детском мультике может быть что-то вредное.

Возмутившись, он подал в суд на компанию Рен-TV, которая показывает «Симпсонов».

Компания начала увильвать, говорить, что отец сам виноват, дескать, это не детские мультфильмы.

Но, оказывается, по закону каждая телекомпания должна отводить определённую, достаточно большую долю эфирного времени на показ фильмов для детей, а на Рен-TV ничего, кроме «Симпсонов», для детей не показывали. Поэтому тут отвертеться, может быть, и не удастся.

Корр.: А что вредного в «Симпсонах»?

Н.М.: Как вам понравится, например, такой ответ сына на просьбу матери что-то сделать: «Сама сделай, старая потаскуха!»

Старики, например, дедушка Симпсон, выставлен в идиотском свете; над старостью, дряхлостью, болезнью тонко и весьма остроумно, что особенно страшно, глумятся: то черепаха крадёт его вставную челюсть, а старик не может догнать её, то перед носом захлопывает дверь родной сынок...

Здесь полностью разрушаются нормы поведения детей и родителей. Собственно, в нормальном обществе так ни с кем не принято себя вести.

Корр.: И герои этого, с позволения сказать, мультфильма не наказываются?

Н.М.: Нет, конечно. Напротив, всё очень остроумно и весело, «прикольно» — эдакий «чёрный юмор».

А вот как действует другая манипуляция детским сознанием. Знакомый психолог из Петербурга, рассказывала о недавних случаях жестокого и совершенно немотивированного избивания дошкольниками годовалых младенцев на детской площадке.

Корр.: В чём же дело?

Н.М.: А в том, что ненависть к младенцам тоже сейчас внушается с телеэкрана. Вспомните хотя бы мультсериал «Ох, уж эти детки».

Младенцы представлены в нём омерзительными, гадкими существами с огромными, раздутыми головами, на которых, как на оципанной курице, торчат редкие волосёнки.

Вид ужасный, и вытворяют эти мультипликационные младенцы какие-то жуткие пакости.

В результате, у дошкольника возникает двойная ассоциативная связь — перенос с монструозных мультипликационных «деток» на реальных младенцев, которых он видит во время прогулки, и появляется мысль, что их надо бить, потому что это — чудовища.

Корр.: В современной культуре вообще очень много усилий направлено на привитие отвращения к детям. Такое скрытое «планирование семьи», да?

Н.М.: Да, разрушение внутрисемейных связей теснейшим образом связано с идеологией ограничения рождаемости, это — единый комплекс.

Корр.: Родители подростков сплошь и рядом жалуются на непробиваемый цинизм своих отпрысков.

Причём, часто это бывают вовсе не подзаборные дети, а те, которых, наоборот, стараются окружить заботой, идут ради них на жертвы, а в ответ видят чёрную неблагодарность и какой-то необычайно устойчивый цинизм. Как он взращивается?

Н.М.: Всё теми же методами и способами. Модель циничного поведения транслируется через множество американских подростковых фильмов: «Американский пирог», «Что-то острое в штанах»...

Сотни фильмов формируют личность с огрублёнными понятиями обо всех сферах жизни, в том числе — о самых интимных, самых тонких. Вырастает человек, вытесанный из полена: тупой, грубый, животный.

Корр.: Что Вы скажете об «Улице Сезам»? Этот сериал тоже смотрело великое множество малышей.

В одном подмосковном детском садике я даже видела огромных персонажей «Улицы Сезам», которые использовались в обучающих занятиях.

Довольные воспитатели говорили, что дети охотно включаются в такие игровые методики.

Н.М.: Дети вообще охотно играют со взрослыми, так что это не аргумент.

В «Улице Сезам» те же принципы: пропаганда девиантного и неуспешного поведения. Кроме того, персонажи — на редкость уродливы. Для чего это нужно?

Дело в том, что ребёнок идентифицирует не только своё поведение с поведением персонажа.

Механизмы имитации у детей — рефлекторные и такие тонкие, что позволяют улавливать малейшие эмоциональные изменения, мельчайшие мимические гримасы.

Посмотрите внимательно на маму с годовалым младенцем, и вы заметите между ними какое-то мимическое сходство.

Социальное научение детей происходит, благодаря подражанию мимике близких людей и любимых телегероев, а ведь, физиономии у чудищ из «Улицы Сезам» одна другой гаже: тупые, злобные или безумные.

Когда ребёнок идентифицирует себя с такими персонажами, его внутреннее самоощущение начинает соотноситься с выражением их лиц и малыш начинает вести себя соответствующим образом: невозможно перенять злобную мимику и остаться в душе добряком, перенять бессмысленный оскал и стремиться «грызть гранит наук».

Корр.: Но, почему детей притягивают все эти гадкие фильмы, мультфильмы, компьютерные игры?

Ведь ими бывают заражены даже дети из интеллигентных семей, с малых лет знакомые с образцами хорошего, настоящего искусства?

Н.М.: Доктор психологических наук, профессор Л.Н. Матвеева из МГУ проводила такой опыт: молодым людям, при просмотре разных фильмов, давали в руки датчики и просили нажимать на кнопку в особенно захватывающие, «интересные» моменты.

Результат был поразительным. Оказывается, зрителям одинаково интересно и когда стреляют в висок или отрубает голову, и когда целуются, и когда победивший герой забирается на скалу, с которой открывается вид вдаль.

Людам, оказывается, одинаково интересно и прекрасное, и ужасное. Всё это стимулирует, щекочет нервы.

Когда такая стимуляция становится привычной, приятной, человек уже не может без неё обходиться.

А, с другой стороны, он и воспринимает теперь только такую стимуляцию, будучи неспособным разобраться в более тонких чувствах — таких, как в старых, классических фильмах.

Жёсткое стимулирование насилия, садизма, сексуальных ощущений становится для человека нормой, а всё остальное находится за порогом его восприятия, как классическая музыка для профана.

Корр.: А для чего нужно рекламировать девиантное, отклоняющееся поведение?

Н.М.: Это — часть идеологии западной цивилизации, то, что сейчас принято называть глобалистским проектом.

Глобалисты считают, что ресурсы планеты ограничены, а людей слишком много, поэтому, их необходимо «сократить», по возможности не прибегая к откровенному насилию.

Технологии «промывки мозгов» изобретены давно, но сейчас они стали совершенными, как никогда.

Одна группа оболваненной молодёжи будет совершать преступления, и её членов можно будет посадить в тюрьму.

В результате, манипуляторы будут избавлены от восстания, предводителями которого могли бы стать храбрые, энергичные, пассионарные личности.

Другая часть населения могла бы спокойно жить, имея семьи и выращивая детей, но, поскольку деторождение также надо ограничивать, у молодёжи воспитывается неприязнь к детям, а гомосексуализм и лесбиянство возводятся в ранг нормы.

Теперь половой инстинкт можно удовлетворять и без «нежелательной беременности».

Третья группа людей с открытым ртом и с капающей слюной будет сидеть перед экраном — этими управлять легче всего.

Корр.: Но, зачем формировать комплекс неудачников?

Н.М.: А кому иначе сбывать наркотики? Это же — одна из главных статей доходов творцов «прекрасного нового мира».

Неудачники недовольны своей жизнью, склонны впасть в депрессию, а тут услужливо подсовывают «лекарство».

Наркотики преподносятся, как средство от депрессии, и действительно, они позволяют на время встряхнуться.

Правда, потом депрессия накатит с новой силой, но можно будет принять новую дозу — и опять

встрепенутся.

Да и все три вышеперечисленные группы людей — кандидаты в наркоманы.

Человек, пренебрегающий нормы общества, глубоко несчастен.

Это великолепно показал ещё Достоевский в романе «Преступление и наказание».

Среди гомосексуалистов и лесбиянок **самый большой процент наркоманов**.

А представителям третьей группы — тем, у кого капает слюна, — элементарно заморочить голову, сказав, как ещё недавно говорилось в США, что наркотики — великолепное средство для усиления половой активности или для личностного роста.

Употребление наркотиков постепенно становится нормой жизни западного общества.

До **40%** мужского населения Англии, Франции, Испании, Голландии, в возрасте от 16 до 25 лет пробовали наркотики — не зря в этих странах постоянно ведутся разговоры об их легализации.

Вообще наркотики — очень действенное оружие, своего рода дуст, которым посыпают общество, чтобы убрать «лишних» людей.

Корр.: Какие меры в сложившейся ситуации могут принять родители и общественность?

Н.М.: Конечно, необходимо требовать от государства введения цензуры на кино- и телепродукцию для детей, иначе, мы получим **целое поколение моральных и физических уродов**.

Но, перекаладывать всю ответственность на государство тоже не стоит.

Родители сами должны понимать, что детям смотреть такие мультфильмы, боевики и прочее нельзя. Категорически!

Корр.: А играть в компьютерные игры?

Н.М.: Тоже, потому что весь «джентльменский набор», присутствующий в мультфильмах и фильмах, есть и в компьютерных играх. Исключений крайне мало. К сожалению, я в этом убедилась на своём личном родительском опыте.

Что мы знали о компьютерных играх десять лет назад, когда мой сын был подростком? Ничего.

Нам заморочили голову сказкой о том, что ребёнок, играющий в компьютерные игры, хорошо развивается интеллектуально.

На самом же деле, большинство игр навязыва-

ет такие модели поведения, после усвоения которых ребёнок становится полностью депрессивным, потому что мысленно постоянно преступает моральные нормы.

Есть такие компьютерные игры, в которых предлагается на выбор несколько вариантов поведения.

Скажем, есть задание выйти из дома и купить хлеб. Можно сделать это обыкновенно, а можно по дороге зарезать соседа, помочиться на знакомую девушку, ограбить магазин, расшвырять все продукты.

Многие дети, поигравшие в подобные игры, берут себе «ники» (псевдонимы), обозначающие негативных персонажей: «дерьмо», «негодяй», «идиот» и т.п.

У них смещаются понятия о добре и зле, меняется картина мира.

Я уже не говорю о компьютерной зависимости, которая — сродни наркотической, она также превращает человека в раба, и её трудно избежать.

Увлёкшись, примерно, в седьмом классе компьютером, мой сын вдруг начал всё рисовать в коричневом цвете. Я тогда не знала, что это признак глубокой депрессии.

Потом мне, правда, удалось его вылечить, но какие будут отсроченные последствия?

Когда я недавно писала статью о воздействии компьютерных игр, мне пришлось пересмотреть много игровых сюжетов. Там были такие, от которых многим родителям стало бы дурно.

Научиться набирать текст и пользоваться Интернетом можно за пару месяцев.

Для этого совершенно не обязательно часами играть в игры, которые уродуют личность и вытаптывают душу.

Гульжан Байтуреева

pro-svet-creator@yandex.ru

<http://subscribe.ru/catalog/job.education.prosvet>

«**Советник**» — путеводитель по хорошим книгам.